

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ВЯЗЬ

Книга 21

Алмазный паж

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Алмазный паж

<https://litres.ru/74124949>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ленинград, январь 1943 года. Блокада сжимает город в ледяных тисках, а на набережной Невы находят тело мужчины в старинной форме пажа императорского двора. Во рту убитого — алмазная запонка с гравировкой «П. I. Паж 1».

Лейтенант НКВД Алексей Ухтомский берётся за расследование, которое приводит его в запасники Эрмитажа, где он встречает таинственную хранительницу Софью Горскую. Вместе они выходят на след легендарных запонок Павла Первого — двенадцати алмазов, которые, по слухам, способны открыть шкатулку с письмами Екатерины Второй.

Но за артефактами охотятся не только они. Немецкий агент и коррумпированный офицер НКВД готовы на всё, чтобы заполучить бриллианты и уничтожить правду, способную переписать историю.

Сможет ли Ухтомский опередить врагов и раскрыть тайну, которую хранили больше ста лет? Или «проклятие Павла» унесёт ещё одну жизнь?

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ I. «ДВЕНАДЦАТЬ КАМНЕЙ»	15
ГЛАВА 1. «Труп у Невы»	15
ГЛАВА 2. «Дело № 47-3»	24
ГЛАВА 3. «Сын пажа»	31
ГЛАВА 4. «Шведская визитка»	37
ГЛАВА 5. «	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мурат Карадениз

Алмазный паж

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Время: 11 марта 1801 года, 23:00

Место: Михайловский замок, кабинет Павла I

Флэшбек | Павел I

За окнами выла метель.

Снег бил в тяжёлые стёкла с такой силой, что казалось — сам ветер пытается проникнуть в покои императора, сорвать с петель массивные бархатные портьеры, погасить дрожащие огни свечей в серебряных канделябрах. Кабинет Павла Первого тонул в полумраке, отбрасывая длинные, колеблющиеся тени на стены, обтянутые тёмно-зелёным сукном. В этом свете позолоченные карнизы и лепные вензеля казались не украшением, а угрожающими силуэтами, готовыми схватить за горло.

Император сидел за столом красного дерева, накрытым зелёным сукном. Голову он держал прямо, но плечи его были напряжены. Сорок шесть лет. Сорок шесть лет страха, унижений, а теперь — безумной власти, которую он не хотел и не умел удерживать. В комнате было холодно, как в склепе, — печи давно погасли, никто из прислуги не решался войти без вызова.

Перед императором на бархатной подушке лежали двенадцать алмазных запонок. Каждая была размером с ноготь

большого пальца, оправлена в платину и гравирована на обороте тончайшим шрифтом — «П. I. Паж № 1», «№ 2» и так до двенадцати. Свет свечей преломлялся в их гранях, рассыпая по комнате тысячи крошечных радуг. Камни были безупречны — уральские алмазы, лучшие из найденных в копиях за последнее десятилетие. Павел сам заказал их ювелиру три года назад, когда ещё верил, что может управлять судьбой.

Теперь он смотрел на них и видел не красоту, а проклятие.

За дверью послышался осторожный шаг. Павел вздрогнул, но взял себя в руки. Он ждал этого человека. Верного, единственного, кому можно было доверить то, что должно было остаться скрытым от мира.

— Войдите, — сказал он голосом, в котором не было императорской властности, только усталость.

Дверь приоткрылась, и в кабинет вошёл молодой человек лет двадцати. Он был одет в форменный камзол пажа императорского двора — тёмно-синий, расшитый серебряной нитью, с стоячим воротником. Под мышкой он держал треуголку, которую тут же прижал к груди, приветствуя императора.

— Ваше императорское величество, — тихо произнёс он.

Павел поднял на него взгляд. Это был тот самый паж, которого он приблизил к себе год назад, когда остальные придворные начали отворачиваться, чувствуя приближение беды. Мальчишка из обедневшего дворянского рода, без связей, без амбиций — только верность и какая-то странная, детская преданность императору. Павел не знал его имени.

Он никогда не спрашивал.

— Подойди ближе, — сказал император.

Паж шагнул вперёд. Свечи на столе осветили его лицо — узкое, бледное, почти мальчишеское, но глаза были старыми. Он видел слишком много за этот год. Видел, как император теряет рассудок от страха, как строит замок-крепость и боится собственного отражения в зеркалах. Он знал, что заговорщики собираются в Зимнем дворце, на другом конце Невского проспекта, и что они ждут только сигнала. Он знал, что это может быть последняя ночь.

— Ты знаешь, что происходит? — спросил Павел.

Паж замешкался на мгновение, затем кивнул.

— Я не знаю подробностей, ваше величество. Но я чувствую, что ночь неспокойна.

Павел усмехнулся. Горько, коротко.

— Чувствуешь. Даже ты чувствуешь. А они — они уже собрались. В Зимнем. Пьют шампанское и ждут, пока я засну. Думаешь, я не знаю? Я всё знаю. Я знаю имена, я знаю, кто будет первым, кто вторым, кто третьим. Я знаю даже, кто потом будет писать мемуары и изображать из себя спасителя России. Но я не могу их остановить. — Он перевёл взгляд на запонки. — Не могу.

Паж молчал, опустив глаза.

— Подойди ближе, — повторил Павел.

Паж шагнул к столу. Император поднялся, опираясь на край стола костлявыми пальцами, и окинул пажа вниматель-

НЫМ ВЗГЛЯДОМ.

— Ты верен мне?

— До смерти, ваше величество, — без колебаний ответил паж.

— До смерти, — повторил Павел, и голос его дрогнул. — Быть может, уже сегодня ночью я проверю это. Но я хочу попросить тебя о другом. О том, что важнее моей жизни. О том, что важнее всей России.

Он подошёл к стене, к портрету матери, который всегда стоял в углу кабинета — накинутый чёрным шёлком, отвернутый лицом к стене. Павел ненавидел этот портрет, но не мог убрать его — слишком много глаз, слишком много ушей. Он провёл рукой по раме, нащупал скрытую пружину, и часть стены с тихим щелчком отошла в сторону, открывая узкую нишу.

Паж замер. Он никогда не видел этого тайника.

Павел достал из ниши шкатулку. Она была небольшой, размером с книгу в кожаном переплёте, обита тёмно-красным сафьяном и окована серебром с потускневшими от времени вензелями. Замок был сложным — с тремя секретными механизмами, встроенными в крышку.

— Вот, — сказал император, протягивая шкатулку пажу. — Возьми её. Держи так, будто это твоя собственная жизнь.

Паж принял шкатулку обеими руками. Она оказалась тяжелее, чем он ожидал. Внутри что-то мягко стукнуло.

— Что здесь, ваше величество? — осмелился спросить он.

— Письма, — ответил Павел, и в голосе его зазвучала странная, почти безумная улыбка. — Письма моей матери. Екатерины. Она писала их... своим фаворитам. Орлову, Потёмкину, иным. В них она говорит о том, как убила моего отца. А ещё о том, как собиралась лишить меня трона и посадить на моё место внука. Ты понимаешь, что это такое?

Паж сглотнул. Он понимал. Слишком хорошо понимал.

— Это правда, ваше величество?

— Какая правда? — Павел засмеялся, но смех его был похож на кашель. — Историю пишут победители. Моя мать победила. И она написала свою историю — красивую, чистую, где она — мудрая императрица, а мой отец — ничтожество. Но эти письма... они — правда. Настоящая, грязная, кровавая правда. Если они попадут в чужие руки, имя Романовых будет покрыто позором навсегда. Мой сын... Александр. Ты знаешь Александра?

Паж кивнул. Великий князь Александр был красив, обходителен и, говорят, уже примкнул к заговорщикам.

— Он тоже хочет меня убить, — сказал Павел без тени горечи. — Он не знает, что его мать в этих письмах — такая же, как и все. Он думает, что он — наследник просвещённой императрицы. Он не знает правды. Никто не знает. Кроме меня.

Он подошёл к столу и взял в руки подушку с запонками.

— Я заказал эти запонки для верных мне пажей, — сказал он. — Для тех, кто будет хранить тайну. Их двенадцать.

Каждая — ключ.

Павёл вынул из шкатулки небольшой серебряный ключ, изящной работы, с кольцом на конце.

— Этот ключ открывает шкатулку. Но есть ещё один ключ — тринадцатая запонка. Она без камня. Я спрячу её отдельно. Без неё письма тоже нельзя открыть. Настоящий ключ — в ней. Она будет у меня. Если я погибну... — он загнулся, посмотрел в окно, где ветер швырял снег в стёкла, — она будет у тебя.

Он взял первую запонку — «Паж № 1» — и протянул её пажу.

— Эта — твоя, — сказал он. — Ты будешь первым. Ты сохранишь шкатулку. А остальные одиннадцать... разбросай. Спрячь их в разных городах, в разных семьях, у людей, которым можно доверять. Пусть ищут. Пусть ломают головы. Но никто не сможет собрать их все — пока не придёт время.

Паж смотрел на запонку, лежащую на его ладони. Она была холодной, как лёд. Свет свечей вспыхнул в её гранях, и на мгновение ему показалось, что внутри камня зажглась чёрная искра.

— Я сделаю это, ваше величество, — сказал он. — Я сохраню правду.

Павел посмотрел ему в глаза. Взгляд императора был пустым и тяжёлым — как небо над Петербургом в зимнюю ночь.

— Иди, — сказал он. — Иди сейчас. Через чёрный ход.

Никто не должен видеть тебя с этой шкатулкой. Положи её в подвал Михайловского замка. Там, где старый колодец, — за кладкой. Ты знаешь это место?

— Я знаю, — ответил паж.

— Иди. — Павел махнул рукой, уже отворачиваясь к столу. — И не оглядывайся. Что бы ты ни услышал этой ночью — не оглядывайся. Ты не должен знать. Ты должен сохранить.

Паж сжал шкатулку под мышкой и вышел из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь.

В коридорах Михайловского замка было темно и холодно. Свечи в настенных канделябрах догорали, оставляя длинные масляные подтёки на стенах. Паж шёл быстро, стараясь ступать бесшумно, прижимая шкатулку к груди. Иногда ему казалось, что за спиной кто-то идёт — шаги эхом отдавались от сводчатых потолков, но когда он оборачивался, коридор был пуст.

В подвал он спустился по чёрной лестнице, куда никогда не заглядывали слуги. Пахло сыростью, плесенью, старым камнем. Паж зажёл свечу, которую носил в кармане, и двинулся вперёд — туда, где в стене темнел колодец. Он помнил это место. Однажды, когда он только начал служить при дворе, старый сторож показал ему ход, ведущий в подземелья. «Если что — прячься здесь», — сказал тогда сторож. «Здесь никто не найдёт».

Паж опустился на колени перед стеной и начал разбирать

кладку. Кирпичи поддавались легко — они были уложены без раствора, как временный тайник. Он снял пять кирпичей, открывая нишу глубиной в аршин. Туда, в темноту, он опустил шкатулку — тяжело, с глухим стуком.

Он помедлил мгновение, глядя на сафьяновую обложку, исчезающую в темноте. Затем задвинул кирпичи обратно.

Когда он поднялся наверх, часы в замке пробили полночь.

Паж вышел через чёрный ход во внутренний двор. Метель хлестала его по лицу, снег забивался в глаза, в воротник, мгновенно оседал на плечах. Он зажмурился, сделал несколько шагов вперёд, потом остановился. Он слышал, как где-то наверху, в залах замка, раздались голоса. Шаги. Звон шпаг. Кто-то крикнул — коротко, отрывисто, как боевой клич.

Паж стиснул зубы и пошёл к воротам.

В руке он сжимал свою запонку — холодный алмаз, оставшийся от императора. Он не знал, что ему делать дальше. Идти в казармы? Бежать к родным в деревню? Или просто — спрятаться, затаиться, раствориться в этой снежной ночи, пока кто-то сверху решает судьбу России.

Он перешагнул порог замка и оказался на улице. Метель завывала, закручивая снег в спирали, превращая город в белую пустоту. Паж сделал шаг, второй, третий. Он смешался с редкой толпой, которая брела по набережной Невы — кто-то из прислуги, кто-то из солдат, кто-то из просто горожан, которые не знали, что этой ночью свершится убийство.

Он не знал, что за ним наблюдают.

Человек в тёмном плаще с высоким воротником стоял у замковых ворот, прижимаясь к стене, и смотрел вслед пажу, исчезающему в метели. Лица его было не разглядеть — только силуэт, только серая тень, проступающая сквозь снежную крупу. Он смотрел, как паж уходит, сжимая в руке шкатулку. Он видел, как тот остановился на мгновение, прижимая шкатулку к груди. Он видел, как паж оглянулся, проверяя, не следят ли за ним.

Человек в плаще не шелохнулся.

Он ждал.

Метель замкнула круг. Ветер завывал над Невой, снег ложился на лёд, укрывая его всё более толстым одеялом. Вдали, за стенами Михайловского замка, раздался выстрел. Ещё один. Крики. Потом — тишина, такая же страшная, как выстрелы.

Паж ушёл. Человек в плаще исчез в темноте.

Утром 12 марта 1801 года Петербург проснулся с новым императором. Александр Первый сел на престол, обливаясь слезами. В Зимнем дворце готовили указ о кончине Павла Первого от апоплексического удара.

А двенадцать алмазных запонок разлетелись по миру. Одна осталась у пажа, который ушёл в ночь. Одиннадцать других ждали своих владельцев. Шкатулка с письмами Екатерины Второй покоилась в тайнике подвала Михайловского замка, чтобы исчезнуть оттуда много лет спустя.

Правда была спрятана.

Но правда, как и алмаз, всегда ждала своего часа.

ЧАСТЬ I. «ДВЕНАДЦАТЬ КАМНЕЙ»

ГЛАВА 1. «Труп у Невы»

Время: 14 января 1943 года, 08:00

Место: Ленинград, набережная Невы, у Зимнего дворца

Блокада | Алексей Ухтомский

Холод вгрызлся в лицо с такой силой, что Алексей почти не чувствовал собственных губ. Мороз под сорок, и ветер с Невы — колючий, злой, пронизывающий ватник, шинель и даже шерстяной платок, которым он обматывал шею по самое горло. Он шёл по набережной в сторону Зимнего, опустив голову, прищурившись от снежной крупы, которая летела с Невы.

Тридцатипятиградусный мороз держал Ленинград в стальном кольце уже вторую неделю. Снег скрипел под ногами — сухой, колкий, как стеклянная крошка. Влажность выморозило из воздуха, и снег не лепился, не хрустел привычно, а звенел, рассыпаясь в пыль. Каждый шаг отдавался в ушах хрустом, будто шёл по битому стеклу. Люди умирали в очередях за хлебом, замерзали в собственных квартирах,

падали прямо на улицах, и не было сил поднять их.

Алексей ступал осторожно, но всё равно снег под его сапогами звенел, разлетался сухими искрами. Город казался пустым, вымершим. Дым из труб почти не шёл — топить было нечем. Только кое-где, на крышах, слабо курились печные трубы, и это были признаки жизни, за которую люди держались из последних сил.

Он спешил. Вызов пришёл сорок минут назад: труп у Зимнего дворца, на набережной. Труп — ладно, в Ленинграде этим никого не удивишь. Но в сообщении было нечто странное.

— Дезертир? — спросил Алексей в трубку.

— Нет, — ответил дежурный. — Не дезертир. Одет странно.

— В каком смысле странно? — спросил Алексей.

— В старой форме, — сказал дежурный. — Не нашей.

— Не нашей? — переспросил Алексей. — Вы имеете в виду не красноармейской?

— Не нашей вообще, — повторил дежурный. — Не НКВД, не армия. На вид — императорская. Старая, ещё с царских времён.

Алексей ускорил шаг.

Зимний дворец возвышался над набережной серой громадой, заколоченной, с застывшими стёклами и потрескавшейся штукатуркой. Вокруг него — ни души, только несколько красноармейцев у входа, кутающихся в шинели. Война за-

мерла, город замер, даже пальба с Волховского фронта стихла, словно природа взяла паузу, чтобы дать людям замёрзнуть до конца.

Алексей увидел тело издалека.

Оно лежало прямо на гранитном парапете, у самой воды, будто его выбросила Нева. Но Нева застыла, покрытая многометровым льдом, и тело не могло приплыть. Кто-то положил его сюда, на виду, как экспонат.

Он подошёл ближе.

Мужчина лежал на спине, раскинув руки. Голова была запрокинута назад, глаза закрыты, лицо — бледное, почти синее, с инеем на ресницах. Но не лицо привлекло его внимание. Одежда. Тёмно-синий камзол, расшитый серебряной нитью, стоячий воротник, треуголка, сбившаяся на сторону. Пуговицы — с императорскими орлами. На груди — золотая цепь с медальоном. Всё это Алексей видел только в музейных витринах.

Он опустился на корточки рядом с телом, стараясь не касаться замёрзшего гранита. Его дыхание вырывалось белым паром, оседало на воротнике мёртвеца, таяло, превращалось в капли, замерзающие через секунду.

— Кто ты? — тихо спросил он, не ожидая ответа.

Труп молчал.

Алексей наклонился ближе. Пахло сыростью, холодом и ещё чем-то — металлическим, едва уловимым. Запах смерти, застывший на морозе. Он провёл пальцем по воротнику

камзола, там, где воротник касался шеи. И нащупал пятно. Коричневатое, твёрдое на ощупь. Засохшая кровь.

— Чёрт, — выдохнул он.

Он оттянул край камзола. Под формой была простая солдатская гимнастёрка, застиранная до белизны. Она не подходила по размеру — в плечах великовата. Форма была надета на уже мёртвого человека. Наспех, второпях. Кто-то нарядил труп, как куклу, и выставил на всеобщее обозрение.

— Лейтенант Ухтомский? — раздался за спиной голос.

Алексей обернулся. Молодой красноармеец, почти мальчишка, с окоченевшими щеками и испуганными глазами, стоял по стойке смирно, стараясь не смотреть на тело.

— Я, — ответил Алексей, поднимаясь. — Что известно?

— Мы патрулировали набережную с пяти утра, товарищ лейтенант. Прошли здесь в шесть — ничего не было. В семь — уже лежит. Кто-то принёс его между шестью и семью, — парень сглотнул, — пока нас не было.

Алексей кивнул. Час на перенос трупа в условиях мороза — и чтобы никто не заметил. Либо профессионально, либо очень повезло. Он снова посмотрел на тело. Во рту мёртвеца он заметил что-то, что блеснуло в бледном утреннем свете. Он присел ещё раз, наклонился, разжал челюсти трупа — с трудом, зубы были сцеплены морозом. И увидел это.

Алмазная запонка.

Она лежала у него на языке, будто украшение для последнего причастия. Круглый камень чуть больше ногтя, оправ-

ленный в платину, сверкал чистыми гранями. Алексей аккуратно, пальцами в шерстяных перчатках, достал её. Она была холодной, как лёд. На обороте — гравировка. Он поднёс её к глазам и прочитал: «П. I. Паж № 1».

— Номер один, — прошептал он.

Он сунул запонку во внутренний карман шинели, туда, где хранил удостоверение. Желудок сжался от странного ощущения — смеси страха и любопытства. Эта вещь не могла оказаться здесь просто так.

— Товарищ лейтенант, — снова подал голос красноармеец, — мы вызвали сторожа из Эрмитажа. Сказали, он может опознать форму.

Алексей обернулся. К ним, хромая и кутаясь в старую ватную куртку, приближался пожилой мужчина. Глубокие морщины, седая щетина, трясущиеся руки, которые он прятал в рукава. Он остановился в двух шагах от тела, перекрестился мелко, часто, и перевёл взгляд на камзол.

— Господи, — выдохнул он. — Господи, это же... это же... — голос его сорвался.

— Узнаёте? — спросил Алексей.

— Это форма, — сторож облизнул потрескавшиеся губы, — это форма пажа императорского двора. Из гарнитура времён Павла Первого. Она хранилась в запасниках Эрмитажа. Я её сто раз видел, я её... — он замолчал, глядя на камзол с ужасом. — Она была в описи. До войны. До сорок первого.

— Вы уверены? — переспросил Алексей.

— Я полжизни проработал в Эрмитаже, — сторож закашлялся, прижимая ладонь к груди. — Я знаю каждую пуговицу. Эта форма пропала. В сентябре сорок первого, когда немцы уже подходили. Она была в ящиках для эвакуации, но так и не уехала. Я думал, её вывезли. А она... — он показал на труп, — на этом.

Алексей сжал челюсти. Сорок первый год. Эвакуация. Тысячи экспонатов вывозили из Эрмитажа, грузили на баржи, отправляли в Свердловск и в другие города. Но не всё успели. Многое осталось, спрятанное в подвалах, в тайниках, в запасниках. Эта форма ждала своего часа два года.

— Значит, её украла, — сказал Алексей. — Или взяли. И надели на мёртвого человека. Зачем?

Сторож покачал головой, глядя на труп с отвращением.

— Я не знаю, товарищ лейтенант. Но я знаю другое. Павловские пажи... их было двенадцать. Двенадцать избранных, которые носили эту форму. Каждый получал запонку с номером. Они поклялись хранить тайну императора. Я не знаю, что за тайна, но... — сторож потупился, — в старых описях писали, что эти запонки приносят смерть. Каждая.

Алексей перевёл взгляд на труп. Неизвестный мужчина, одетый в императорскую форму, с алмазной запонкой во рту, выложенный на парпет у Зимнего дворца. Как вызов. Как предупреждение.

— Обыщите его, — приказал он красноармейцам. — Всё, что есть в карманах, ко мне.

Патрульные осторожно, словно боясь заразиться, обшарили карманы камзола, потом гимнастёрки. Пусто. Ничего, кроме замерзшего куска хлеба в одном кармане и пожелтевшей карточки в другом. Алексей взял её в руки. На карточке — шведский текст, адрес и имя. Он поднёс к глазам, прищурился от морозного воздуха, который щипал глаза.

Визитка. Посольство Швеции. Атташе по культурным связям.

— Почему у него визитка шведского атташе? — спросил он вслух, ни к кому не обращаясь.

Сторож кашлянул.

— В Эрмитаже до войны работал швед. Дипломат, эксперт по драгоценностям. Он помогал с эвакуацией. Может, он и сейчас здесь. Швеция же нейтральная, они не воюют, их посольство работает. Может, этот... — он кивнул на труп, — имел с ним дело.

Алексей спрятал визитку в карман вместе с запонкой. В голове крутилось слишком много вопросов. Кто этот человек? Кто его убил? Зачем нарядили в форму пажа? И самое главное — где остальные одиннадцать запонок?

Он опустился на корточки над трупом в последний раз и внимательно, почти профессионально, осмотрел лицо мёртвеца. Тело не было изуродовано, не было следов борьбы. Смерть наступила от отравления. Он видел это по неестественному изгибу губ, по тёмным, почти чёрным дёснам. Цианид. Где-то он уже читал об этом. Цианид даёт горький мин-

дальный запах, но на морозе запах не чувствуется. Однако тело не замёрзло полностью — его принесли сюда, когда оно ещё было тёплым. Значит, убили не более чем два часа назад, где-то в тёплом помещении, а потом вынесли на улицу.

— Убит где-то в городе, — сказал Алексей, обращаясь к красноармейцам. — Принесли сюда. Около семи утра. Кто-то хотел, чтобы его нашли.

— Кто? — спросил самый молодой патрульный, бледнея.

— Тот, кто хочет, чтобы мы увидели это. — Алексей поднялся и посмотрел на заснеженную набережную. — Этот труп — не просто убийство. Это послание.

Он ещё раз заглянул в лицо мёртвеца. Мужчина был не старым, лет сорока, волевые черты, следы хорошей жизни, которые стёр голод. Ворот камзола был отогнут, и Алексей снова увидел пятно крови. Он провёл пальцем по воротнику, отогнул край. И замер.

Под формой, на шее убитого, была татуировка. Маленькая, почти незаметная, выцветшая. Двенадцать точек, образующих круг. В центре — одна точка. Алексей не знал, что это значит, но почувствовал — символ связан с запонками.

Он поднялся, отряхнул колени от инея.

— Уберите тело в морг, — приказал он. — Никому не говорить о запонке и о визитке. Это теперь дело НКВД.

Он повернулся и пошёл к Смольному, сжимая в кармане алмаз. Холодный, тяжёлый, мёртвый.

— Кто ты? — прошептал он, глядя на серое небо.

Труп молчал, лёжа на граните, и снег уже начинал засыпать его лицо.

Но Алексей знал: это только начало.

ГЛАВА 2. «Дело № 47-3»

Время: 18 сентября, 11:00

Место: Санкт-Петербург, квартира Анны Ухтомской

Наши дни | Анна Ухтомская

Пахло бумагой, пылью и временем.

Анна сидела на полу своей квартиры, окружённая коробками, которые она достала из кладовки — старого шкафа в коридоре, куда сложила архив Алексея много лет назад. Тогда она думала, что разберёт его за пару выходных. Разбирала пять лет. Коробок было тридцать семь. Каждая — с историями, которые требовали времени, внимания, терпения.

Она знала этот архив почти наизусть. Имена, даты, почерк Алексея — его уверенный, твёрдый наклон вправо. Потом более поздние записи, сделанные в спешке, где буквы плясали, а чернила расплывались. Она перечитала дневники своего прадеда десятки раз. Она знала его так, как не знала никого из живых родственников.

Но эта коробочка — серая, пыльная, задвинутая под самую стенку, за другими, более новыми — попала ей в руки впервые.

Анна открыла её и увидела старую папку. Серая, потёртая, с кожаным корешком, на котором почти стёрлась надпись: «Запонки. Дело № 47-3». Внизу — знак, который она видела

на других архивных материалах Алексея: «Хранить вечно».
— Запонки? — удивилась она. — Что за запонки?

Она вытащила папку, положила на журнальный столик, сдула пыль. Бечёвка, которой она была завязана, рассыпалась в руках — серая, трухлявая, рассыпалась от времени. Анна открыла обложку.

На первой странице — рукописный титул, сделанный твёрдым, уверенным почерком: «Дело № 47-З. Дознание по факту обнаружения трупа неустановленного лица. 1943 год». Анна нахмурилась. Она не помнила этого дела. Она перебрала все протоколы, все опросы, все рапорты Алексея — и ни разу не видела этого названия. Значит, он спрятал его отдельно. От всех.

Она перевернула страницу и замерла.

Фотография. Чёрно-белая, пожелтевшая, с потёртыми краями. На ней — тело мужчины, лежащего на каменной поверхности. Он был одет в старинную форму — тёмно-синий камзол, расшитый серебряной нитью, стоячий воротник, треуголка, сбившаяся на сторону. Анна узнала эту форму сразу — она видела её на витрине в Эрмитаже, когда проходила практику. Императорская, пажеская. Та самая, что, по слухам, была украдена в 1941 году.

— Боже мой, — прошептала она. — Труп в форме паж. Значит, это правда.

Она всегда считала эту историю легендой. Ей рассказывали о ней старые сотрудники Эрмитажа — о мёртвом муж-

чине в императорской форме, который появился на набережной посреди блокады, как призрак из другого века. Но она думала, что это лишь байки, которыми перебрасываются хранители за чаем.

Она перевернула фотографию. На обороте — приписка рукой Алексея: «Труп найден на набережной Невы, у Зимнего дворца, 14.01.1943. Убит цианидом. Форма — из коллекции Эрмитажа, похищена в 1941 году. На трупе — запонка № 1. Личность не установлена. См. доп. материалы».

Рядом с первой фотографией лежала вторая, поменьше. Анна взяла её дрожащими пальцами. На снимке — крупным планом: алмазная запонка. Круглый камень, оправленный в платину, с гравировкой на обороте. Анна поднесла фото к глазам и прочитала: «П. I. Паж № 1».

Она положила фотографию обратно и начала перебирать листы дела. Протокол осмотра места происшествия, составленный подполковником Ухтомским. Анна читала его медленно, вникая в каждое слово. Строгий, лаконичный язык служебного документа: «На правом берегу Невы, в районе Зимнего дворца, был обнаружен труп мужчины предположительно 40–45 лет. Тело было одето в старинную форменную одежду, идентифицированную как униформа пажа императорского двора. При осмотре во рту обнаружен предмет — алмазная запонка. Предмет изъят. Личность убитого установить не удалось. Лицо обожжено до неузнаваемости».

— Обожжено, — повторила Анна. — Почему? Он был

убит цианидом, а не огнём.

Она перевернула страницу. Следующий лист — заключение патологоанатома. Анна пробежала глазами по строкам: «Смерть наступила от отравления цианидом. Ожог лица — посмертный. Причина ожога — кислотное воздействие. Ожог причинён преднамеренно, с целью уничтожения идентифицирующих признаков».

Анна подняла глаза от бумаг. Она представила эту картину: мёртвое тело, на которое наспех надевают древнюю форму, засовывают в рот драгоценность, выносят на набережную и оставляют на виду. Как спектакль. Как послание.

— Кто это сделал? — спросила она у пустой комнаты.

Она перелистнула ещё несколько страниц — опросы свидетелей, рапорты, служебные записки. Ничего существенно. И вдруг на предпоследней странице — приписка. Сделана рукой Алексея, но другим почерком — более торопливым, нервным, словно он вписал её позже, когда уже не хотел, чтобы кто-то видел этот текст. Тонкие чёрные чернила, почти стёршиеся:

«Спроси у Горской. Она знает, кто был в этой форме. Она видела его при жизни. Я не успел узнать имя. Горская знает всё. Найди её».

Анна замерла.

Горская. Это имя она видела в архивах Алексея. Оно всплывало в письмах, в служебных записках, в дневниках — всегда мельком, всегда словно случайно. Но Анна никогда

не придавала ему значения. Теперь же оно стояло здесь, в центре странного дела, как ключ к чему-то важному.

Она закрыла папку и посмотрела на обложку. Под надписью «Дело № 47-З» — снова тот же почерк Алексея, более мелкий, осторожный: «См. также: личное дело Горской С.А., 1911 г.р. Хранитель Эрмитажа. Проверить все доступные источники».

— Хранительница Эрмитажа, — произнесла Анна вслух. — Она работала с Алексеем. Она знала о трупе. Знала о запонке. Может быть, она всё ещё жива?

Анна взяла телефон. Она набрала номер Никиты, с которым работала уже несколько лет. Он помогал ей с архивными запросами, когда её собственные полномочия заканчивались там, где начинались спецхраны и закрытые фонды.

— Никита, здравствуй, это Анна, — сказала она, чувствуя, как голос её дрожит от волнения. — Мне нужна твоя помощь.

— Привет, — в трубке был спокойный, чуть хриловатый голос. — Опять в архиве копаешься? Что нашла?

— Я нашла дело. 1943 год. Труп в императорской форме, алмазная запонка во рту. Ты знаешь эту историю?

— Легенда эрмитажных стариков, — голос Никиты стал серьезнее. — Ты шутила, что это выдумки.

— Это не выдумки, Никита. Это настоящее дело. И там есть имя — Горская. Хранительница Эрмитажа. Мне нужно узнать о ней всё. Когда работала, с кем, что с ней стало. И

ещё — мне нужны документы о пропаже экспонатов из Эрмитажа в 1941 году. Та самая форма — она числится как пропавшая. Ты сможешь достать?

На другом конце провода повисла пауза.

— Анна, — медленно сказал Никита. — Ты уверена, что хочешь этим заниматься? Это дело было закрыто почти сто лет назад.

— Значит, пришло время открыть его снова, — твёрдо ответила она.

Никита вздохнул:

— Документы о пропаже — сложно. Эрмитажные архивы не любят вспоминать о потерях. Но я попробую. Дай мне пару дней.

— Спасибо, — выдохнула Анна.

— И ещё, — голос Никиты стал ниже, почти шёпотом. — Будь осторожна. Если это дело действительно существует, значит, кто-то очень хотел, чтобы оно не всплыло. И возможно, они до сих пор живы.

Анна не нашлась, что ответить. Она положила трубку и снова посмотрела на папку. Вся её жизнь изменилась за час, проведённый над пожелтевшими бумагами. Она перевернула последнюю страницу дела.

И замерла.

Там, в самом конце, была ещё одна запись. Сделана той же рукой, что и приписка — торопливой, нервной, словно Алексей вписал её уже на исходе сил:

«Горская С.А. уехала из Ленинграда в 1944 году. Неизвестно, вернулась ли. Возможно, она жива. Или уже нет. Но она знала правду. Я должен был спросить её. Я не успел. Найди её, если сможешь. Правда важнее жизни».

Анна закрыла папку. Она подошла к окну и посмотрела на Неву, серую под дождём, которая текла так же, как текла сто лет назад.

— Я найду тебя, Софья Горская, — тихо сказала она. — Где бы ты ни была.

За её спиной на столе лежала фотография трупа в форме пажа, и алмаз на снимке тускло мерцал в сером свете петербургского дня.

ГЛАВА 3. «Сын паж»

Время: 1840 год, лето

Место: Петербург, Михайловский замок

Флэшбек | Сын паж»

Лето 1840 года выдалось душным и сырым. Над Петербургом висели тяжёлые тучи, которые то и дело раздражались короткими, но сильными ливнями. Нева казалась серой, мутной, и даже в самый разгар дня городские улицы тонули в сумраке. Но для человека, стоявшего у ворот Михайловского замка, погода не имела значения.

Его звали Пётр Павлович Северов. Ему было шестьдесят два года, и он приехал в Петербург из своего имения под Тверью, чтобы выполнить обещание, которое дал умирающему отцу тридцать лет назад. Дорога заняла почти две недели — сначала на телеге, потом на дилижансе, потом пешком. Он устал, его мучила старая рана в ноге, полученная ещё в войну 1812 года. Но он не мог позволить себе отдыхать. Он чувствовал, что время уходит.

Отец, паж Павла Первого, умер в 1810 году, не дожив до пятидесяти. Перед смертью он рассказал сыну о тайне, которую нёс в себе всю жизнь. О шкатулке с письмами Екатерины Второй. О двенадцати алмазных запонках. О том, как император передал ему шкатулку в ночь убийства и велел

спрятать в подвале Михайловского замка.

Пётр помнил тот вечер, как сейчас. Они сидели в маленькой комнате их дома в Коломне, и отец был так слаб, что не мог поднять головы от подушки. Но глаза его горели, когда он говорил о Павле. Он вспоминал каждую деталь — как император смотрел на запонки, как голос его дрожал, когда он говорил о письмах, о правде, которая могла уничтожить всё.

— Я спрятал её, — сказал тогда отец, лёжа на смертном одре. — Я заложил её в нишу у сухого колодца, за старой кладкой. Но я не успел вернуться. Они убили его, Петя. Они убили императора, а я бежал. Я думал, что вернусь за шкапулкой, но не смог. Теперь я умираю, и тайна умирает вместе со мной.

— Я найду её, отец, — пообещал молодой Пётр, сжимая руку отца. — Я найду шкапулку.

Отец посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом. В его глазах была не только надежда, но и страх.

— Будь осторожен, — сказал он. — Те, кто убил императора, не остановятся ни перед чем. Они знают о шкапулке. Они будут искать её. И если они найдут тебя... — он не договорил. Он замолчал на полуслове, и Пётр понял, что отец больше не скажет ни слова.

Он умер в ту же ночь. Пётр сидел у его постели до утра, держа его холодную руку и чувствуя, как внутри него разрастается пустота. Но вместе с пустотой пришло и обещание. Он должен был найти шкапулку. Не для того, чтобы исполь-

зовать письма, а для того, чтобы исполнить волю отца.

Тридцать лет прошло с тех пор. Пётр Павлович женился, вырастил детей, занимался хозяйством. Он почти забыл о тайне отца. Жизнь шла своим чередом, и воспоминания о замке, о шкатулке, о запонках становились всё более размытыми, словно старые рисунки, выцветшие на солнце.

Но в последние годы, когда смерть начала напоминать о себе, он вспомнил. Он понял, что не может умереть, не выполнив обещание. И вот он здесь, у ворот Михайловского замка, который за три десятилетия успел превратиться из императорской резиденции в казарму, а потом — в заброшенное здание, куда редко заглядывали даже сторожа.

Замок выглядел мрачно. Его жёлтые стены, когда-то сиявшие на солнце, теперь были серыми, покрытыми копотью и грязью. Окна были заколочены, двери заперты, и только кое-где виднелись следы человеческого присутствия — сломанная решётка, разбитое стекло, надпись, оставленная каким-то солдатом ещё при Александре. Пётр постоял у ворот, собираясь с духом, затем толкнул дверь.

Он вошёл через боковой вход, который помнил по рассказам отца. Дверь была закрыта на старый, ржавый замок, но Пётр легко открыл его подобранным ключом — он заранее подготовился, зная, что в замок может быть трудно попасть. Внутри пахло сыростью, плесенью, гниющим деревом. Когда-то роскошные коридоры теперь были пусты, стены ободраны, полы засыпаны мусором. Эхо шагов разносилось по

пустым залам, и каждый звук казался неестественно громким.

Он спустился в подвал. Здесь было темно и холодно, даже летом. Ступени были каменными, стёртыми за десятилетия, и он ступал осторожно, боясь поскользнуться. Внизу пахло землёй, старым камнем и ещё чем-то — чем-то, что он не мог описать словами, но что чувствовал кожей. Он зажёл свечу, которую принёс с собой, и двинулся вперёд, ощупывая стены, как делал это отец много лет назад.

В подвале было несколько колодцев, но только один из них был сухим. Он нашёл его по описанию отца — узкий проход, заваленный камнями, ведущий к глухой стене. Он начал разбирать кладку, стуча по кирпичам костяшками пальцев, пока один из них не поддался.

Он снимал кирпичи один за другим, открывая нишу. Сердце его билось быстрее, дыхание перехватывало. Он знал, что шкатулка должна быть здесь. Он чувствовал, что она ждала его тридцать лет.

Ниша была пуста.

Пётр замер. Он не верил своим глазам. Он провёл рукой по холодному камню, пытаясь нащупать хотя бы следы того, что здесь что-то было. Ничего. Только пыль и мелкие камешки.

Он уже хотел закрыть нишу, когда заметил что-то на стене. Он поднёс свечу ближе.

На камне было выцарапано несколько слов. Глубоко, с

усилием, словно человек, который оставлял эту надпись, был в отчаянии.

«Они забрали её. 1825».

Пётр прочитал это дважды. Трижды. Потом перечитал ещё раз. Кровь отлила от лица. Четырнадцать лет назад. Четырнадцать лет назад кто-то пришёл сюда и забрал шкатулку. Кто-то, кто знал о тайнике.

Он присел на корточки и провёл рукой по пустой нише. На стене, чуть ниже, было ещё что-то. Он поднёс свечу ближе и увидел:

«1825. Они знали».

Кто знал? И что значит «они»? Множественное число. Значит, шкатулку забрали не один человек. Группа. Заговорщики? Потомки тех, кто убил Павла? Или те, кто хотел использовать письма Екатерины для своих целей?

Пётр почувствовал, как по спине пробегает холод. Он не знал, кто оставил эти надписи. Может быть, это был его собственный брат, который тоже знал о тайне отца? Или кто-то из слуг, которые присутствовали при последних словах отца? Или сам император Александр? Ведь именно в 1825 году он умер. Может быть, он забрал шкатулку перед смертью, чтобы уничтожить её?

Вопросы кружились в голове, но ответов не было. Пётр медленно поднялся, чувствуя, как старая рана в ноге начинает ныть. Он знал, что должен найти шкатулку. Но где? В Эрмитаже? В Гатчине? У кого-то из потомков пажей?

Он стоял в темноте, сжимая в руке огарок свечи. Он смотрел на пустую нишу и чувствовал, как внутри него умирает надежда. Он не выполнил обещание. Он подвёл отца.

Через год он умер, так и не узнав правды. Его похоронили в Тверской губернии, рядом с женой и детьми. Но перед смертью он передал тайну своему старшему сыну, чтобы тот продолжил поиски. И так — из поколения в поколение — тайна передавалась от отца к сыну, пока не дошла до Алексея Михайловича Северова, который в 1914 году записал её в свой дневник.

А надпись на стене осталась. Она ждала того, кто придёт через сто лет и увидит её. В 1943 году, в разгар блокады, Алексей Ухтомский найдёт эту стену и прочтёт эти слова. И он тоже задаст себе вопрос:

— Кто? Кто знал?

Но ответа не будет. Не сразу.

ГЛАВА 4. «Шведская визитка»

Время: 14 января 1943 года, 10:00

Место: Ленинград, Смольный, кабинет Алексея

Блокада | Алексей Ухтомский

В кабинете было холодно. Печь топили редко — дров не хватало, и Алексей уже привык работать в шинели, не снимая её, и в варежках, которые снимал только тогда, когда нужно было писать. Сейчас он сидел за столом, разложив перед собой содержимое дела: фотографии, протоколы, визитку.

Труп всё ещё лежал в морге, дожидаясь дальнейших экспертиз, но Алексей уже понимал: это дело не будет простым. Он взял трубку телефона и набрал морг.

— Ухтомский, — сказал он коротко. — Что по трупу с набережной?

— Лейтенант, — голос в трубке был усталым, с хрипотцой. — Мы сделали всё, что могли. Лицо обожжено до неузнаваемости. Кислота. Сильная, концентрированная. Кто-то очень хотел, чтобы мы не поняли, кто это.

— Возраст? Рост? Особые приметы? — спросил Алексей.

— Сорок — сорок пять. Рост выше среднего. Телосложение плотное, но голодное — видно, что человек недоедал в последние месяцы. На руках — следы старой работы, мозо-

ли. Но кожа на ладонях мягкая, не рабочая. Странное сочетание. И татуировка на шее — двенадцать точек в круге. Мы её зафиксировали.

— Татуировка, — повторил Алексей. — Я видел её. Двенадцать точек в круг, в центре одна. Что это значит?

— Не знаю, лейтенант. В наших базах такого символа нет. Но она старая — не меньше десяти лет. Нанесена профессионально, не в тюрьме.

— Причина смерти?

— Цианид. Горький миндаль в лёгких. Убили в помещении — тело не замёрзло до конца, когда его нашли. Смерть наступила примерно за два часа до обнаружения. Кто-то убил его, нарядил и вынес на набережную. Всё.

Алексей положил трубку. Он сидел неподвижно, глядя на фотографию трупа. Обожжённое лицо было страшным — бесформенное месиво, где невозможно было различить черты. Даже для него, видевшего много смертей, это было тяжело.

Он перевёл взгляд на визитку.

Она лежала на столе отдельно от остальных документов. Маленький прямоугольник плотной бумаги, пожелтевшей от времени, с аккуратными буквами на шведском языке. Он снова поднёс её к глазам. На лицевой стороне: «Carl Erik Lundström. Attaché pour les affaires culturelles. Ambassade de Suède. Leningrad». Внизу — телефон.

Алексей перевернул визитку. На обороте, почти незамет-

но, карандашом, было что-то написано. Он прищурился, поднёс к керосиновой лампе, которая давала скудный жёлтый свет.

«Набережная Макарова, 12. Васильевский остров».

— Частный адрес, — пробормотал он. — Не посольство.

Он знал этот район. Старые особняки на Васильевском, национализированные после революции, превращённые в коммуналки, склады и пустующие дома. Но некоторые здания сохранились, и в них, говорят, до сих пор жили люди, связанные с дипломатическими кругами. Нейтральная Швеция, не воевавшая с Советским Союзом, имела своё представительство в Ленинграде, и шведские дипломаты пользовались привилегиями, которые были недоступны другим иностранцам.

Алексей отодвинул визитку и задумался. Убитый в форме пажа. Алмазная запонка № 1. Визитка шведского атташе. И таинственный адрес на Васильевском. Всё это складывалось в странную картину.

Контрабанда через дипломатические каналы. Это было не ново — с начала войны через нейтральные посольства шли товары, которые не могли пройти обычным путём. Драгоценности, произведения искусства, документы. Швеция была одним из немногих мостиков между СССР и Западом. Возможно, убитый имел отношение к этому бизнесу. Возможно, он был курьером.

Но форма? Императорская форма пажа, украденная из

Эрмитажа в 1941 году? Какое отношение к контрабанде имела форма двухсотлетней давности?

Алексей взял визитку и перечитал адрес на обороте ещё раз. «Набережная Макарова, 12». Он решил, что поедет туда сегодня же. Нужно узнать, кто этот Лундстрём и почему его визитка оказалась у мёртвеца.

Он уже поднялся из-за стола, намереваясь надеть шинель и выйти, как зазвонил телефон.

Второй раз за час. Алексей снял трубку.

— Ухтомский, — сказал он.

— Лейтенант Ухтомский? — Голос был низким, с металлическими нотками. Чужой. — Это полковник Глухов. Вам известно дело о трупе у Зимнего дворца?

Алексей насторожился. Глухов. Он знал эту фамилию. Начальник особого отдела, человек, которого боялись все сотрудники НКВД. Глухов имел репутацию безжалостного следователя, который не останавливался ни перед чем, чтобы добиться своего. В его руках было множество дел, и он редко обращался к кому-то с просьбами — только с приказами.

— Так точно, товарищ полковник, — ответил Алексей. — Дело в работе.

— Я слышал, что вы нашли при трупе какие-то вещи, — голос Глухова был ледяным. — В частности, визитку иностранца и предмет, который вы изъяли. Я требую, чтобы вы передали все материалы дела мне. Немедленно.

Алексей сжал челюсти. Он не удивился — Глухов всегда

был там, где пахло чем-то ценным. Но почему его заинтересовало это дело? Обычный убитый, обычный труп. Разве что форма и запонка привлекли его внимание.

— Товарищ полковник, — начал Алексей, стараясь говорить спокойно, — дело только начато, я ещё не завершил осмотр.

— Я не спрашиваю, завершили ли вы осмотр, — оборвал его Глухов. — Я приказываю передать дело мне. Это не обсуждается.

Повисла пауза. Алексей слышал, как в трубке потрескивает связь. Он думал быстро. Если он отдаст дело Глухову, то потеряет контроль над расследованием. Но если он ослушается, это будет стоить ему карьеры, а возможно, и жизни.

— Я передам дело, — сказал Алексей, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Но прошу дать мне время до завтра, чтобы подготовить копии.

— Завтра, — повторил Глухов. — В десять утра жду вас с материалами. И запомните, лейтенант: если вы попытаетесь скрыть что-то, я узнаю. — В трубке раздались короткие гудки.

Алексей медленно опустил трубку. Он смотрел на чёрный аппарат, чувствуя, как напряжены его плечи. Глухов взял дело. Но до завтра у него ещё есть время. Время, чтобы посетить адрес на Васильевском.

Он взял визитку и перевернул её в руках. И вдруг, под другим углом света, в луче тусклой керосиновой лампы, он

заметил ещё одну надпись на обороте. Мелкую, почти стёртую, сделанную другим почерком — не карандашом, а тонким пером. Она была почти невидима, но он всё же разглядел её.

«Спроси у Горской».

Алексей замер.

Горская. Он не знал этого имени. Он никогда не слышал его в коридорах Смольного, в отделе, в морге. Но оно было написано на визитке шведского атташе, которая лежала в кармане убитого. Кто это? Откуда это имя?

Он перечитал надпись несколько раз. Почерк был старым, буквы витиеватыми, с наклоном вправо — словно их выводил человек, привыкший держать перо, а не карандаш. Возможно, это сделал сам Лундстрём? Или кто-то, кто имел доступ к его визитке? И почему в ней была приписка «Спроси у Горской»?

Алексей чувствовал, что это имя становится главной нитью, которая связывает все странные детали. Убитый с запонкой во рту, форма паж, шведский атташе, адрес на Васильевском и теперь — Горская. Кто она? Хранительница тайны? Или просто человек, который знал убитого?

Он сунул визитку в карман шинели, накинул платок поверх ватника и вышел из кабинета.

В коридоре было темно и пусто. Электричество в Смольном отключали, и только кое-где горели керосиновые лампы, оставляя длинные тени на стенах. Алексей прошёл к выходу,

сжимая в кармане визитку с таинственным адресом.

Он не знал, что в кабинете Глухова уже собирали материалы, чтобы начать собственное расследование. Он не знал, что, когда он выйдет из Смольного, его будет ждать человек в чёрной машине, который проследит за ним до самого Васильевского.

Но он знал одно: он должен найти Горскую. Быстрее, чем Глухов.

Выйдя на улицу, Алексей остановился на мгновение и посмотрел на серое, низкое небо. Мороз снова пробирал до костей. Он сделал шаг вперёд, по направлению к Васильевскому острову.

За его спиной, в окне третьего этажа, мелькнула тень. Кто-то стоял у стекла и смотрел, как лейтенант уходит в холодный, мёртвый город.

Но Алексей не обернулся.

ГЛАВА 5. «

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.